

28. Скобелкин О.В. Участие иностранцев в составе русского войска в войнах XVI – начала XVII в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда. Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (к 600-летию битвы при Грюнвальде / Танненберге). Материалы международной научной конференции / отв. ред. А.И. Филюшкин. СПб.: Любавич, 2010. С. 285–289.

29. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. М.: ЯРК, 2001. 240 с.

30. Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск: Донская типография, 1903. 473 с.

31. Филюшкин А.И. Василий III. М.: Молодая гвардия, 2010. 352 с.

32. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I). М.: Воениздат, 1954. 224 с.

33. Lietuvos Metrika. Kn. 7. (1553–1567). Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 1996. 324 p.

V.A. Volkov

Russian Army in the Late XVth – the First Third of the XVIth Centuries

Key words: *Russian army; local cavalry; militia; gunners; pishalniks; Cossacks.*

The article raises sharp and controversial issues of reorganization of the Russian army, which took place at the turn of the XVth–XVIth centuries, the army composition, combat capabilities, and size. The author refutes the assumptions made in recent publications about the insignificance of Russian martial forces, showing the absence of any possible solution of the challenges they faced.

С.В. Белоусов

Пензенский государственный университет

УДК 947.072.5

Судьба «маленького человека» в эпоху Отечественной войны 1812 года: к вопросу использования архивных документов в микроисторических исследованиях

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14003/15 «Региональные аспекты формирования российской нации».

Ключевые слова: *Отечественная война 1812 года; микроистория; историческая антропология; Пензенская губерния; беженцы; отставные солдаты; иностранцы; военнопленные армии Наполеона.*

В статье на основе различных архивных документов (сведений из журналов Пензенского губернского правления, Канцелярии пензенского губернатора и Пензенской казенной палаты) рассматривается проблема воздействия Отечественной войны 1812 года на различных представителей провинциального общества: беженцев, отставных солдат, иностранцев,

а также военнопленных армии Наполеона. Работа написана с позиции исторической антропологии и микроистории, позволяющей проследить место «простого человека» в эпохальных исторических событиях начала XIX века.

В историографии Отечественной войны 1812 года длительное время господствовали определенные методологические подходы, темы и традиции, связанные с марксистским пониманием исторического процесса. В основу исследований, как правило, ставились традиционные схемы, основанные на характеристике и интерпретации лишь строго определенного круга источников, отличавшихся, с точки зрения историков, особой достоверностью и непогрешимостью.

Однако дальнейшие перспективы изучения темы потребовали от исследователей отказа от этих традиционных схем, привлечения новых методологических подходов и значительного расширения источниковой базы. Поиск новых подходов, методов и проблем привел к смещению исследовательских приоритетов в сторону истории повседневности, микроистории и исторической антропологии. Перспективность применения микроисторических подходов к макроисторическим процессам прекрасно продемонстрировал в своей монографии «Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814» известный английский историк Д. Ливен, избрав для изложения материала три уровня: от «взгляда Бога» (рассмотрение вопросов геополитики, европейской идеологии, развития мировых финансов и торговли) до «взгляда червя» (констатация каждодневных впечатлений обыкновенных людей) [28, с. 53–54; 35].

В современной отечественной историографии на необходимость использования микроисторических подходов в изучении Отечественной войны 1812 года еще в 2003 году обратил внимание В.Н. Земцов. В своей работе «Микроистория и перспективы изучения Отечественной войны 1812 года» он, проанализировав тематику выступлений на конференциях последних лет, посвященных войне 1812 года, сделал вывод о том, что исследователей все более интересуют различные проблемы, связанные с поведенческими стереотипами людей разных социальных групп, и выразил надежду, что такой поворот «от разбора чисто военных действий, вклада промышленности» все более переместится в «человеческое измерение». А это с неизбежностью выведет на «интереснейшую систему методологических подходов, условно называемых микроисторией» [23]. Однако семь лет спустя в статье «Микроистория: итоги 15-летнего “пребывания” в России» В.Н. Земцов отметил, что «сколь стремительно интерес к микроистории у нас появился, столь же быстро он стал ослабевать», а внимание историков «оказалось переключено на другие, “более модные”, или же на прежние “традиционные” формы и методы познания прошлого» [24, с. 4].

Вместе с тем все же следует отметить, что за последние 15 лет появился целый ряд интересных работ, посвященных теме Отечественной войны 1812 года, которые были написаны в русле микроистории. Речь идет, прежде

всего, об исследованиях А.И. Бегуновой «Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I», В.Н. Земцова «Великая армия Наполеона в Бородинском сражении» и Л.Л. Ивченко «Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года» [1; 22; 26]. Хотя, на наш взгляд, книга А.И. Бегуновой в меньшей степени относится к исследованиям повседневной жизни, а, скорее, представляет собой своеобразный «путеводитель» быта и нравов александровской эпохи, из которого можно узнать об одежде и вооружении гусар, об их распорядке дня и некоторых способах проведения досуга [27, с. 7–8]. Также можно отметить и ряд публикаций: В.Н. Земцова (о Р. Гийемаре), С.В. Белоусова (о Леблане и Ф.-А. Эгетмайере), В.П. Тотфалушина (о Савене), А.В. Тихоновой (о Ф. Вале), С.Н. Хомченко, в которых нашли отражение многие методологические подходы, характерные для исторической антропологии и истории повседневности [3; 4; 25; 32; 33; 34; 35].

Изучение истории Отечественной войны 1812 года в контексте микроисторических подходов представляется нам весьма важным и перспективным. Один из основоположников микроистории К. Гинзбург отмечал, что она раскрывает новые горизонты для анализа, недоступные при использовании традиционных методов историографии. Микроисторические исследования акцентируют внимание на отдельном эпизоде, «казусе», который подчас оказывается более богатым по содержанию, нежели обезличенный, общесоциальный фон эпохи. По мнению приверженцев микроистории, историческое явление может стать понятным только в результате реконструкции деятельности всех людей, причастных к нему. Поэтому главное внимание они уделяют не изучению жизни представителей элиты, а деятельности и поведенческим стереотипам «маленьких людей», а также определению той роли, которую они играли в истории. В результате этого происходит некое смещение ориентиров от изучения таких крупных структур, как нация или государство, к изучению малых сообществ и судеб «маленьких людей». Такой переход получил название «антропологического поворота». Обращение к анализу человеческих действий на микроуровне позволяет существенно расширить наши представления о макропроцессах и дает более глубокие основания для их понимания [5; 24, с. 4–5; 29; 30, с. 8–9, 11].

Безусловно, в изучении истории повседневности первостепенное значение имеют источники личного происхождения, анализ которых позволяет более полно раскрыть внутренний мир конкретного человека, главным образом автора, и его жизненную позицию. Однако в Российской империи начала XIX века мемуары и дневники, как правило, велись представителями высших сословий (дворянства и духовенства), что не дает возможности представить судьбу людей из низших слоев населения (крестьянства, мещан, мелких чиновников, отставных солдат и т.д.). В этой связи следует обратить внимание на другие виды источников. В частности, на делопроизводственную документацию, отложившуюся в центральных и местных архивах. Спецификой тако-

го рода источников является то, что, как правило, каждый конкретный случай, характеризующий судьбу «маленького человека» не имеет биографического начала и конца и повествует о конкретном мгновении в жизни индивида. Они могут либо быть «проигнорированы» исследователями в силу их усредненности или типичности, либо стать объектом пристального внимания, позволяющим выявить некую специфику или уникальность.

Рассмотрим ряд случаев, раскрывающих судьбу «маленьких людей» в эпоху Отечественной войны 1812 года, на основе материалов, обнаруженных в журналах Канцелярии пензенского губернатора, Пензенского губернского правления и Пензенской казенной палаты за 1812–1817 годы, которые сосредоточены в Ф. 5 (Канцелярия пензенского губернатора), Ф. 6 (Пензенское губернское правление) и Ф. 60 (Пензенская казенная палата) Государственного архива Пензенской области. Мы акцентируем внимание на трех темах: судьбе беженцев, оказавшихся на территории Пензенской губернии в 1812–1813 годах, судьбе военнопленных армии Наполеона и иностранцев, а также судьбе отставных солдат русской армии, возвращавшихся домой после окончания военной службы.

Беженцы. Осенью 1812 года в Пензенской губернии оказался *бухгалтер можайского уездного казначейства коллежский регистратор Гаврила Алексеевич Своехотов* со своей женой. В двух прошениях, поданных в Пензенскую казенную палату 2 января и 4 февраля 1813 года, он так описывал свои злоключения: «Нешастия, постигшие город (Можайск. – С. Б.) ... в настоящую войну с Франциею заставили всех можайских жителей оставить дома свои; а по сей же причине и вследствие предписания, данного от г. генерал-лейтенанта Левитского, он вообще с уездным казначеем отправился из Можайска в Москву с денежною казною и делами». Вместе с ним, спасаясь от неприятеля, из города выехала его жена и четверо детей. Достигнув Звенигорода, «по неимению более сил на продолжение пути, а паче всего пропитания, и по милости благотворительных людей оставил он детей своих сыновей Сергея и Егора, дочерей Наталью и Ольгу в том городе Звенигороде, а сам с женою его направил путь в Москву для здачи бывших у него на руках по казначейству дел». Сдав дела в Московскую казенную палату с надлежащим отчетом, после оставления русскими войсками Москвы он направился в Пензенскую губернию «по нахождению здесь родственников, не имея собственного своего состояния и, следовательно, способов к содержанию».

По прибытии в Пензу Своехотов «объявил о себе и о нещастнослучившемся с ним происшествии здешнему г. гражданскому губернатору князю Григорью Сергеевичу Голицыну». Имея билет на свободное проживание от московского вице-губернатора, на основании положения Комитета министров от 28 ноября 1812 года, по которому «чиновникам, кои по случаю неприятельского нашествия принуждены были оставить места свои, производить оклады по штатам тех губерний, где кто находится будет, начальствам их

поставить в обязанность распределять их соответственно их званиям на первые вакансии», он был определен в число канцелярских служителей Инсарского уездного казначейства. В начале февраля 1813 года Своехотов получил известие, что «вышеписанные дети его, не зная каким посредством, находятся Резанской губернии в городе Зарайске» и просил Пензенскую казенную палату об увольнении его сроком на 29 дней «в столичный город Москву и Резанской губернии в город Зарайск. В первой для взятия оставшегося там имущества, а во второй для возвращения детей его в здешнюю губернию». Казенная палата постановила сообщить в губернское правление, «дабы благоволило коллежскому регистратору Своехотову на проезд до Москвы и Резанской губернии до города Зарайска дать паспорт сроком на 29 дней».

В июле 1813 года Комиссия попечения о жителях, вышедших из мест, занятых неприятелем, выдала Г.А. Своехотову 100 рублей для его возвращения в Московскую губернию [19, л. 21–21 об.; 20, л. 59–59 об.; 21, л. 74 об.].

В конце марта 1813 года Краснослободский земский суд прислал в Пензенское губернское правление неизвестного человека, который назвал себя *дворовым человеком госпожи Ждановой д. Носовой Вяземского уезда Смоленской губернии Гаврилою Дмитриевым сыном Елизаровым*. В допросе он показал, что его помещица, «убоясь неприятеля», с дворовыми людьми уехала неизвестно куда, а потом и крестьяне той деревни со своими семьями на лошадях куда-то скрылись; а он оставался в господском доме с приказчиком Иваном Михайловым, дворовым человеком Ионом Ивановым и старостой Степаном Афанасьевым; «приехав в господской двор несколько французов, стали оной грабить, коих они, испугавшись, все четверо вместе бежали неподалеку в состоящей от их деревни лес, в коем находились двое суток, и по недостатку хлеба» из лесу они вместе с Ионом Ивановым вышли; «поймав их обоих, французы приставили караулить имевший у них рогатый скот, которой гнали за их войсками, 7 дней до Гжатской пристани», откуда «ночным временем» бежали. Затем в Туле им дал билет полицмейстер для проезда в Пензенскую губернию. В с. Ижморе Керенского уезда его товарищ занемог и остался без всякого письменного вида, а он перешел в Краснослободский уезд, где с месяц жил в разных деревнях и селениях, а затем был взят и представлен с билетом земскому исправнику [10, л. 1144–1147 об.].

Военнопленные армии Наполеона и иностранцы. 18 ноября 1813 года в Пензу из г. Рославля Смоленской губернии прибыла партия военнопленных, насчитывавшая 143 человека, в сопровождении конвоя из нижних чинов Орловского внутреннего гарнизонного батальона под командой штабс-капитана Милковского. Она состояла из 1 штаб-офицера (шефа батальона 1-го полка вольтижера 2-й дивизии императорской гвардии полковника Ж. Пиона), 6 обер-офицеров, 126 нижних чинов, 8 женщин и 2 детей. Военнопленные были плохо одеты: «на 34 полушубков нет, одежда и обувь ветхая». В Пензе для них было куплено 34 полушубка по цене 10 руб. 50 коп.

каждый и 103 пары лаптей ценою 25 коп. за пару. Пленных предполагалось разместить на жительство в Пензе и Краснослободске [7, л. 4–4 об., 12–12 об.]. Среди плененных находился *вахмистр 11-го (голландского) гусарского полка 9-й бригады легкой кавалерии 3-го армейского корпуса (marechal de logis an 11. Reg^t hussard) Луи Жерсе (Louis Jerce)*. В 1814 году он изъявил желание принять российское подданство и остаться в России, определившись в Саратовскую губернию в приказные [9, л. 4, 29 об.–30]. При приведении к присяге Луи Жерсе показал о себе, что его настоящая фамилия Чернсей. Он являлся подданным Английского королевства, уроженцем города Лондона, выходцем из мещанского сословия, лютеранского исповедания, 27 лет от роду. «Находился на английских транспортных судах, не имел на себе военного звания, и за три года пред сим попался в плен к французам при французском порте Аляхошель (Ла-Рошель. – С. Б.). Находясь в плену 18 месяцев тамошним правительством принужденно взят в службу и находился в голландских войсках и гусарском полку один год старшим унтер-офицером; и на ретираде французских войск из России в прошлом 1812 году при городе Орше ноября 21-го дня взят в плен». Чернсей (Жерсе) был холост. В Лондоне у него оставались отец и близкие родственники. Он говорил на родном языке, а также по-французски и по-немецки. Знал голландский, испанский, итальянский, шведский и датский языки. Кроме того, владел живописным мастерством [11, л. 228–228 об.].

В июле 1816 года в Пензенскую градскую полицию явился *поляк Григорий Игнатов сын Бурлак*, который в допросе объявил, что «он был варшавский мещанин, и во время проходу французского войска чрез Варшаву взят был французским правительством принужденно в их службу и определен в беспардонной (так в документе.– С. Б.) уланской полк шеренговым; и с тою армиею прошел он чрез Вильну и Смоленск до столичного города Москвы; и когда разбито французское войско российским, то многие французы разбежались, и с ними и он с товарищем своим Юзефом; и остались в деревне Скрыпицыной у помещика Василия Васильевича, а по смерти ево и товарища Юзефа пошел он с намерением пройтить в Варшаву и по незнанию дороги прошел до города Пензы и, желая узнать о дороге на Варшаву, явился в градскую полицию, где и задержан». Пензенское губернское правление распорядилось отправить поляка Бурлака в Белосток [16, л. 470–470 об.; 17, л. 761–762 об.].

Примером того, как война могла войти в жизнь простого человека и перевернуть его «тихий мирок», могут служить приключения, а лучше сказать «злоключения», *швейцарца Ле Блана*. В рапорте пензенского губернатора князя Г.С. Голицына главнокомандующему в С.-Петербурге С.К. Вязмитинову, датированном 5 ноября 1812 года, губернатор сообщал, что в одной из партий военнопленных, следовавшей через Пензу из Нижнего Новгорода в Саратов, оказался иностранец Ле Блан, который долгое время жил в Москве и

занимался обучением детей статской советницы Анненковой. Когда при приближении французов Анненкова покинула Москву, он «оставлен был в доме ее при разных вещах, чтобы сохранить их. Но когда по занятию Москвы неприятелем, собрав все вещи г. Анненковой ехал с ними в деревню ее, спасаясь от неприятеля, то настигшими его в дороге казаками, которые, не зная французского языка, сочтя его за человека подозрительного, ранили и привезли вместе с пленными в Тверь, а оттуда в числе их препровожден в Саратов чрез здешний город Пензу, где и оставлен единственно за болезнь». Г-жа Анненкова, имевшая деревни в Пензенской губернии, узнав об этом, просила его, губернатора, чтобы «того Леблана для бытия у нее по-прежнему отдать ей на поручительство» [6, л. 512–512 об.].

Исторический факт, зафиксированный в документе, оказался весьма любопытным. Дело в том, что, во-первых, статская советница Анненкова, о которой идет речь в рапорте князя Г.С. Голицына, очевидно, была не кто иная, как мать будущего декабриста, поручика кавалергардского полка И.А. Анненкова, Анна Ивановна (урожд. Якобий). Во-вторых, по какой-то случайности Ле Блан оказался в одной партии военнопленных вместе с врачом 1-го класса польского 10-го гусарского полка С.Б. Пешке, который оставил об этом периоде своей жизни весьма подробные воспоминания, где описал свое знакомство с ним [2; 36].

Знакомство С.Б. Пешке с Ле Бланом произошло в Твери, куда оба были доставлены после пленения. О первой встрече с ним С.Б. Пешке писал так: «Наша группа пленных неожиданно выросла на несколько сот человек. Это была толпа, состоящая из людей разных национальностей, над которыми распростер свои крылья императорский орел. Все они были взяты в Москве. Среди этой толпы несчастных выделялась заслуживающая доверия персона, одетая в штатское. Это был некто Ле Блан, которого подозревали в том, что он был французским шпионом в Москве. Меня он уверял в своей невиновности, рассказывал, что родом из Женевы, что уже несколько лет жил в Москве, занимался живописью, пользовался поддержкой генеральши Анненковой. Дальше он рассказывал, что генеральша весьма спешно выехала из Москвы в то самое время, когда его не было дома. Именно поэтому он и оказался один в ее дворце. Бедная эта заблудшая овца вызывала жалость, голова и тело его были синими, выглядел, как снятый с креста. Его заверения будили во мне подозрения, но, взвесив то обстоятельство, что он был товарищем моим по несчастью, я попросил русского генерала Бенкендорфа и полковника Сакена, которые осуществляли надзор за всей нашей общностью пленных, чтобы мне разрешили взять этого Ле Блана в свою повозку. Разрешение было получено» [36, р. 17–18].

Вскоре пленные, собравшиеся в Твери, были направлены на жительство в Саратовскую губернию. Партия военнопленных состояла из 230 человек. В нее входили 2 польских обер-офицера (Редер и Малинский), доктор

Пешке, 226 нижних чинов и Ле Блан, который по документам значился шляхтичем. С.Б. Пешке сообщал, что во время движения в глубь страны польские офицеры организовали артель для взаимопомощи, куда вкладывали часть выдаваемых им во время плена денег. В артель включили и Ле Блана. «По получению этих денег, которыми должны были покрываться все наши потребности, – писал С.Б. Пешке, – я устроил в нашем кружке, в который, кроме меня, входили Редер и Малинский, общую кассу. Каждый из нас вкладывал в нее ежедневно по 25 копеек, а бедняга Ле Блан стал нашим счетоводом, хотя мы и избавили его от необходимости делать взносы, поскольку он, как простой солдат, получал ежедневно только 15 копеек, да и те отдавал сержанту, чтобы с ним лучше обходились. Каждый день мы могли тратить по 75 копеек, а то, что после этих трат оставалось, переходило в другую кассу, которую мы называли кассой бережливости. Ее опекал Редер. В конце месяца мы подсчитывали наши сбережения и превращали их в ремонт или пополнение нашего белья и одежды. Понятно, что Ле Блан из этой кассы ничего не получал» [36, р. 20].

Далее С.Б. Пешке сообщал: «Ле Блан должен был идти по дороге пешком, вместе с рядовыми, но наши просьбы и заступничество побудили сержанта разрешить ему сидеть в наших кибитках. Это так обрадовало легкомысленного француза, что с той поры он постоянно забавлял нас своим пением. На мою повозку он садился не слишком охотно, предпочитал ехать вместе с Редером, а лучше всего – с Малинским. Я был для него слишком серьезным. Между ним и Малинским вскоре завязались очень дружеские, тесные взаимоотношения. Я знал о том, что Ле Блан имел при себе много драгоценностей, зашитых в подкладке одежды. Я обратил внимание Редера на столь большую дружбу Ле Блана с Малинским, но кто же мог предвидеть, что они втайне затевали какие-то козни» [36, р. 21].

Когда партия военнопленных пришла в небольшой уездный городок Тверской губернии Кашин, где проходила многолюдная ярмарка, Ле Блан и Малинский совершили побег. «Побег, разумеется, не мог быть удачным, – писал С.Б. Пешке. – Людей на ярмарке было собрано много, в погоню за беглецами пустились во все стороны пешком, на лошадях и в повозках. Вскоре обоих, побитых и заляпанных грязью, привели обратно в городок. Ле Блан получил на рынке сто розог, у Малинского в виде наказания отобрали офицерские эполеты. Само происшествие записали в списке пленных. После случившегося я потерял доверие к Ле Блану и не позволял ему больше ехать в своей кибитке. Когда мы покидали городок, по приказу городничего Ле Блан должен был идти пешком, связанный. С этого момента сержант всегда бдительно смотрел за ним, а я освободил его от обязанностей счетовода и сам делал наши расчеты. С той поры ему уже не хотелось петь песни» [36, р. 21].

В Нижнем Новгороде Ле Блан получил разрешение начальника конвоя в сопровождении солдата отправиться на рыночную площадь.

«Вернулся он обрадованный в высшей степени, – писал С.Б. Пешке, – так как узнал, что его генеральша недавно проезжала через этот город, направляясь в Пензу. Сразу исчезло жалостливое состояние, начал он, как когда-то, прыгать и петь песни. С того момента он уже совсем не хотел ехать, наоборот, бежал перед всеми нами, что-то выкрикивая и подскакивая, как шальной. Это забавляло моих больных. Даже чопорный капитан (начальник конвоя штабс-капитан Нижегородского гарнизонного батальона Савинич. – С. Б.) смеялся над ним до упаду» [36, р. 32–33].

В Арзамасе «Ле Блан встретился, наконец, со своей генеральшей Анненковой. Я думал, что пострадал он из-за своих чувств. Если бы генеральша была молодой особой – это и было бы объяснением его поведения. Но я увидел даму в летах, серьезную, вызывающую уважение и выражающую сочувствие к нам. Однако в этот момент она ничем ему не помогла, и он должен был идти с нами до самой Пензы» [36, р. 33].

Партия военнопленных прибыла в Пензу 30 октября 1812 года [6, л. 494 об; 18, л. 382]. Здесь, как отмечал С.Б. Пешке, «бывший наш товарищ Ле Блан снова получил свободу и так ошалел от радости, что я всерьез думал, не тронулся ли он умом и предостерегал других. Он целовал и обнимал всех, даже кошку в нашем доме, пел нам революционные французские песни; просто сумасшедший. В несчастье он впадал в отчаянье, когда оказывался в более счастливой ситуации – шалел от радости. Самого себя он ставил необычайно высоко, и об этом он не забывал никогда. Генеральша была для него каким-то божеством. Не раз говаривал нам, что царь Александр наверняка узнает о его несчастьи. Я ему говорил, что за розги, полученные им за побег, его должны сделать капельмейстером, певцом или, по крайней мере, придворным шутом в Петербурге» [36, р. 35].

Однако прошло еще долгих два месяца, прежде чем Ле Блан обрел свободу. 14 января 1813 года в Пензе был получен ответ главнокомандующего в С.-Петербурге на рапорт пензенского губернатора. С.К. Вязмитинов предписал князю Г.С. Голицыну разрешить оставить швейцарца Ле Блана у госпожи Анненковой, дав ему билет для проезда в Нижегородскую губернию [8, л. 64 об.–65].

На этом следы Ле Блана теряются. Возможно, он и после окончания войны еще некоторое время оставался у статской советницы Анненковой, а может быть, уехал обратно в Швейцарию. Об этом, к сожалению, уже ничего неизвестно.

Отставные солдаты русской армии. После окончания заграничных походов стали возвращаться домой солдаты, оказавшиеся неспособными к несению полевой и гарнизонной службы или отслужившие положенный срок. На трактах с ними происходили различные случаи. Так, 6 июля 1815 года Чембарский земский суд доносил в Пензенское губернское правление, что «в округе взят за неимением вида человек, которой в допросе суду показал,

что *Иваном его зовут по прозванию Трепин*. Назад тому 14-й год поступил он в военную службу Керенской округи села Салтыкова г-на Турчанинова из крестьян и находился в Селединском (Селенгинском. – С. Б.) пехотном полку рядовым салдатом; а из оного по определению главного начальства в 1807 году там же поступил в Тамбовской полевой полк, где и находился 4 года, от которого за слабостию ево здоровья уволен командующим оным полком шефом Николаем Ивановичем Горчаковым (1) в 1813-м году с данным ему от него на свободное житие пашпортом в чистую отставку, с которым пашпортом и ходил по разным селениям; а минувшего майя по бытности ево в Нижегородской губернии, где к неожиданности ево, напившись пьяной, выданной ему от шефа Горчакова пашпорт нечаянным образом оной оборонил; и июня 21-го числа, пришед он Чембарской округи в село Поим, где по неимению у него такового пашпорта, того села соцким взят и представлен в суд оной к допросу, почему земской суд и прислал его в сие правление за караулом». Губернское правление приказало обратиться в Инспекторский департамент Военного министерства с запросом, действительно ли солдат Трепин получал пашпорт об отставке [12, л. 110–110 об.].

20 октября 1815 года Пензенское губернское правление слушало сообщение Тамбовского губернского правления, «при котором прислан пойманный в Усманском уезде за неимением вида человек, *Иван Максимов*... Из допроса же его видно, что он находился в Екатеринославском гренадерском полку фельдфебелем и был в сражениях в 1812-м и 1813-м годах против французской армии; и во время сражения близ города Парижа ранен и находился для излечения во оном в Парижском гошпитале 16-ть месяцев; и из онаго по выздоровлении по повелению Главкомандующего российскою армиею графа Ланжерона за неспособностию к службе уволен с данным о свободном в России прожитии пашпортом на прежнее жилище Пензенской губернии Инсарской округи в село Голицыно; проходя трактом, и 2-го числа августа пришед Воронежской губернии и округи в село Ендовище, во оном тот пашпорт объявил находящемуся писарю, а как звать и прозвание не знает; после чего во оном селе близ двора, а чьего именно не знает, потому, что тогда был день жаркой, лег отдохнуть и заснул, где во время отдохновения оной пашпорт с ящиком, в котором он хранился, неизвестно какими людьми украден; после чего встав, пошел трактом в вышеписанное свое жительство и, пришед Усманской округи в бывшей город Демшинск, усмотрен соцким и по неимению письменного вида представлен в Усманский земский суд к допросу». Пензенское губернское правление определило отправить в Инспекторский департамент Военного министерства запрос, точно ли Максимов служил фельдфебелем в Екатеринославском гренадерском полку и получил паспорт об отставке. Оно также повелело Саранскому земскому суду осведомиться, точно ли Максимов поступил в рекруты из с. Голицыно Саранско-

го уезда (в Инсарском уезде такого села не было). Самого же Максимова решено было отослать в Саранский земский суд.

В феврале 1816 года Инспекторский департамент Военного министерства сообщил, что фельдфебеля Максимова по спискам Екатеринославского гренадерского полка не оказалось. В результате чего Пензенское губернское правление приказало принять меры к удостоверению звания и положения означенного Максимова [13, л. 444–445 об.; 14, л. 99–102].

4 июня 1816 года Мокшанский земский суд препроводил в Пензенскую градскую полицию неизвестного человека без письменного вида, который о себе показал, что «*Степаном его зовут Тимофеев сын по прованию Завьялов*, от роду ему 74-й год, ... уроженец он губернского города Пензы, солдатской сын, и в службу поступил в 1764 году, где и продолжал оную в разных местах до 1814 года, а во оном из Санкт-Петербургского Казанского драгунского полку отставлен в отставку с данным ему от бригадного генерала Михайлы Васильевича Данкеева пашпортом и по отставке за болезнь проживал с год во оном же Санкт-Петербурге; в нынешнем же году отправился он для житья в губернский город Пензу и, идя трактом, отошел от города Казани верст 80, нагнали его трое также отставные солдаты, идущие в Пензенскую губернию Василий Соколов, Григорий Агеев и Василий Сказоватов; с коими он вообще шел и дошел Саранской округи до села Поповки, где он зделался отчаянно горячкою болен; товарищи же ево, оставя его во оном селе, взяв его небольшой чемоданчик, в коем был пашпорт, и унесли с собою; и во время болезни его разшиб он себе нос; когда же стало ему легче, то он опять шел потихоньку к городу Пензе и дошел Мокшанской округи до села Пелетьмы, где сотским по неимению у него письменного вида взят и представлен во оной суд; более же сего показать не может; на воровских разбоях не бывал, с воровскими людьми не знался и дворовых пожегов не чинил. Приметами он ростом 2-х аршин 5 ½ вершков, лицом чист, смугл, волосы на голове черные, бороду бреет, по носу правая ноздря по-видимому чем-либо разрезана. Одет в шинели белого русского сукна, в рубашке и портах белых пасконных, обут в лаптях и шерстяных чулках». Пензенское губернское правление приказало справиться в Инспекторском департаменте Военного министерства, точно ли Завьялов служил в Казанском драгунском полку [15, запись от 8.06.1816].

В заключение хотелось бы отметить, что понимание сущности исторического процесса невозможно без пристального внимания к судьбе каждого конкретного человека. Изучение Отечественной войны 1812 года через постижение отношений между людьми, воссоздание особенностей их мировоззрения в эту эпоху, соотнесение частного существования человека с ходом исторических событий, безусловно, позволит расширить наши представления об одном из самых героических периодов нашей истории. В изучении истории повседневности не следует замыкаться на характеристике и интерпрета-

ции только источников личного происхождения, тем более тех, которые уже стали «традиционными» и «хрестоматийными», а активнее привлекать иные, новые, виды источников, в том числе и делопроизводственную документацию, отложившуюся в фондах местных архивов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегунова А.И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М.: Молодая гвардия, 2000. 383 с.
2. Белоусов С.В. Воспоминания врача 1-го класса польского 10-го гусарского полка Самуила Богуслава Пешке о его пребывании в Пензенской губернии // Центр и периферия. 2010. № 1. С. 30–31.
3. Белоусов С.В. Невероятные приключения швейцарца в России, или судьба «маленького человека» в эпоху Отечественной войны 1812 г. // Библиотечное дело. 2012. № 16. С. 4–6.
4. Белоусов С.В. Портной из Пензы Эгетмайер: мифы и реальность // Родина. 2013. № 11. С. 96–99.
5. Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 207–234.
6. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 440.
7. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 462.
8. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 480.
9. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 573.
10. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 380.
11. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 413.
12. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 446.
13. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 449.
14. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 481.
15. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 484.
16. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 486.
17. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 488.
18. ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 406.
19. ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 418.
20. ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 419.
21. ГАПО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 424.
22. Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2008. 260 с.
23. Земцов В.Н. Микроистория и перспективы изучения Отечественной войны 1812 года // Историко-педагогические чтения. 2003. № 7. С. 32–35.
24. Земцов В.Н. Микроистория: итоги 15-летнего «пребывания» в России // Уральский исторический вестник. 2010. № 4(29). С. 4–7.
25. Земцов В.Н. Необычайные и удивительные приключения Роббера Гийемара, сержанта 9-го линейного полка, или пленные французы в уральской глуши в 1812–1814 гг. // Наполеон. Альманах за 2010 г. М., 2011. С. 71–78.
26. Ивченко Л.Л. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М.: Молодая гвардия, 2008. 695 с.
27. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) // История повседневности: сборник научных работ. СПб., 2003. С. 7–14.
28. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М.: Росийская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 679 с.

29. Паревская И.С. Микроисторический подход в лингвокультурологии: наивное восприятие мира «маленьким человеком» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4(25). С. 77–82.
30. Побережников И.В. Микроистория: действия и структуры в историческом контексте // Уральский исторический вестник. 2010. № 4(29). С. 8–13.
31. «Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814» Доминика Ливена / А.В. Чудинов [и др.] // Российская история. 2013. № 6. С. 3–51.
32. Тихонова А.В. Из числа пленных наполеоновской армии. Судьба доктора Франца Валя // 1812 год: Война и мир: материалы II Всероссийской научной конференции. Смоленск, 2010. С. 114–122.
33. Тотфалушин В.П. Повседневная жизнь пленных Великой армии (по материалам Саратовской губернии) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVII Международной научной конференции (Бородино, 5–7 сентября 2011 г.). Можайск, 2012. С. 319–336.
34. Тотфалушин В.П., Готье И. В Россию по жребью, или история одного новобранца // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XVIII Международной научной конференции (Бородино, 2–4 сентября 2013 года). Бородино, 2014. С. 497–504.
35. Хомченко С.Н. Незадачливый спаситель Отечества, или как один мешанин польский бунт усмирал // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: материалы Всероссийской науч. конф. (24 октября 2009 г.). Малоярославец, 2009. С. 187–191.
36. Peszke S. Urzednik zdrowia klasy I-ej wojska polskiego. Mój pobyt w niewoli gosiyskiej w r. 1812. Warszawa, 1913.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Генерал-лейтенант князь А.И. Горчаков 2-й являлся шефом Тамбовского пехотного полка с февраля 1803 по сентябрь 1809 года.

S.V. Belousov

The Fate of «No one Important» in the Era of the War of 1812: to the Issue of the Use of Archival Documents in Micro-Historical Studies

Key words: *the War of 1812; microhistory; historical anthropology; Penza province; refugees; retired soldiers; foreigners; prisoners of war from Napoleon's army.*

On the basis of various archival documents (the information presented here is taken from the Penza Provincial Government magazines, Governor's office and Penza treasury chamber) the problem of the impact of the War of 1812 on the representatives of various social strata (refugees, retired soldiers, foreigners and prisoners of war from Napoleon's army) is discussed. The article is written from the perspective of historical anthropology and microhistory. It allows to trace the place of «no-one important» in the epochal historical events of the early XIXth century.